

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: E54090C5-395E-4592-808F-13466B2F9575

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

**Русское музыкальное
общество и Римский-
Корсаков**
(Музыкальная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1.....	0005
КОММЕНТАРИИ.....	0010

В. В. Стасов
Русское музыкальное
общество и Римский-
Корсаков

В эти последние дни мне привелось видеть и слышать много людей, ценящих новую русскую музыкальную школу и понимающих, что такое значат высокие ее таланты. Все в негодовании, все с отвращением смотрят на то, что дирекция Русского музыкального общества сделала с Римским-Корсаковым. Она уволила его из консерватории.

— Да ведь он великий талант, да ведь он одна из лучших музыкальных слав не только России, но и всей Европы!

— Нужды нет, его уволили, он для дирекции не годится. Его надо поскорее вон, он вреден, он, очевидно, заражает консерваторию, его более терпеть нельзя.

Все с бесконечным волнением повторяют: «То, что нынче сделали с Римским-Корсаковым, это что-то чудовищное, безобразное, неслыханное и невиданное».

Но я отвечу: — Напрасно, господа, вы так думаете. Что это дело гадкое, чудовищное, — это верно. Но как же сказать, будто неслыханное и невиданное? Конечно, в других странах все подобное и невидано, и неслыхано, там знают, что такое значит «великий талант»,

что такое значит «великий человек». У нас — совсем другое дело. Ни до каких «великостей» никаким дирекциям нет дела. Еще надо им до таких непозволительных понятий дорасти. И потому-то совсем не новость, что нам всем приходится переживать теперь с Римским-Корсаковым. Это уже бывало.

Если не все помнят, я напомню.

Тому назад 35 лет то же самое случилось у нас, в России, здесь же, в Петербурге, только с другим большим художником, значительным музыкантом.

С Балакиревым.

Дирекция Русского музыкального общества тоже уволила его, конечно, тоже за негодность и зловредность.

И первым тогда воскликнул в кипучем негодовании — Чайковский. Он был тогда еще юноша, только что покинувший школьную скамью, но уже профессор Московской консерватории и, что того гораздо выше, уже оригинальный высокий талант.

Чайковский написал в «Современной летописи» Каткова «Заметку», где с жаром перечислял все необыкновенные заслуги Балаки-

рева и указывал русской публике на мерзость случившегося. «Но каково было удивление русской публики, осыпавшей Балакирева овациями (говорил Чайковский), когда она узнала, что просвещенная дирекция Русского музыкального общества находит деятельность Балакирева бесполезною, даже вредною... Не знаем, как ответит петербургская публика на столь бесцеремонное с нею обхождение, но было бы грустно, если бы изгнание из высшего музыкального учреждения человека, составлявшего его украшение, не вызвало бы протеста со стороны русских музыкантов. Берем на себя смелость утверждать, что наш скромный голос есть в настоящем случае выразитель общего всем русским музыкантам тяжелого чувства, и скажем в заключение, что Балакирев вовсе не находится в положении оскорбленных и обиженных. Чем менее этот артист найдет поощрения в тех сферах, откуда обрушился на него декрет об остракизме, тем с большим сочувствием отнесется к нему публика, а эта деспотка стоит того, чтобы справляться с ее мнением, так как в борьбе с враждебными облюбленному художнику

силами она останется победительницей. Балакирев может теперь сказать то, что изрек отец русской словесности, когда получил известие об изгнании его из Академии наук. „Академию можно отставить от Ломоносова, — сказал гениальный труженик, — но Ломоносова от академии отставить нельзя“.

Тогда же и я высказывал свое мнение о поступке дирекции Русского музыкального общества. Я говорил: „Москва нас предупредила в передаче публике печального события, случившегося среди нас; но она не превзойдет нас в чувстве негодования и в сознании оскорбления, нанесенного нам теперь. Люди, которые не способны ценить художников, по капризу распоряжаются вдруг участью этих художников и всем нашим русским музыкальным делом! Что им за дело!.. Балакирев пал жертвой рутины и незнания... Но авось когда-нибудь и на эту партию придет управа...“

Придет управа! Да, надейтесь. Но вот прошло 35 лет, сменились люди и поколения, а ничего не переменилось в голове и понятии людей, ничего общего не имеющих с искус-

ством, с музыкой, с талантливостью, этим глубочайшим сокровищем мира. Те же безобразия и нелепости живут и работают, срамя и позоря нас. Не стыдно ли видеть, что у нас такие дела делаются, которые нигде больше на свете невозможны! А у нас — самое заурядное дело! Неужели долго так будет?! Глинку разные „распорядители“ сглодали и замучили, Даргомыжского — сглодали и замучили, Мусоргского и Бородина — тоже, Балакирева — тоже; теперь дошло дело до Римского-Корсакова. Какое отвращение! Какой стыд!

А что такое весь-то нынешний декрет дирекции?

Это — окрик сторожа впросонках:
„Молчать! Ни слова!“

1905 г.

КОММЕНТАРИИ

«РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И РИМСКИЙ-КОРСАКОВ». Статья была опубликована 25 марта 1905 года («Новости и биржевая газета», № 76).

Эта статья — публичный протест Стасова против увольнения Римского-Корсакова из консерватории за его сочувствие и поддержку революционно настроенной молодежи. Данное событие, связанное с революционным движением учащихся в 1905 году, сам Римский-Корсаков описывает следующим образом: «... Наступило 9 января, и политическое брожение охватило весь Петербург. Отозвалась и консерватория, заволновались учащиеся. Начались сходки. Трусливый и бестактный Бернгард (директор) стал сопротивляться. Вмещалась и дирекция Русского музыкального общества. Начались экстренные заседания художественного совета и дирекции. Я выбран был в число членов комитета для улаженья отношений с волновавшимися учениками. Предлагались всякие меры: изгнать

зачинщиков, ввести в консерваторию полицию, закрыть консерваторию. Пришлось отстаивать права учеников. Споры, пререкания возникали все более и более. В глазах консервативной части профессоров и дирекции петербургского отделения я оказывался чуть ли не главою революционного движения среди учащихся... Я напечатал в газете „Русь“ письмо, в котором укорял дирекцию в непонимании учеников и доказывал ненужность существования дирекции петербургского отделения и желательность автономии. Бернгард на заседании совета занялся разбором и осуждением моего письма. Ему возражали, он сорвал заседание. Тогда значительная часть профессоров вместе со мною предложила ему письменно покинуть консерваторию» (Н. А. Римский-Корсаков. «Летопись моей музыкальной жизни», стр. 390–391). В ответ на это дирекция Русского музыкального общества (консерватория являлась его учреждением) уволила свыше ста учащихся, которые были зачинщиками забастовок в консерватории, и вместе с ними Римского-Корсакова. Последний в знак протеста публично отказался от

почетного членства Музыкального общества. Протестуя против произвола, консерваторию покинули Глазунов и Лядов. В это время и появилась комментируемая статья Стасова, раскрывающая величие личности и деятельности Римского-Корсакова и заканчивающаяся гневным обличением темных сил реакции, преследовавшей и травившей лучших представителей народа.

На работу в консерваторию Римский-Корсаков вновь был приглашен в ноябре 1905 года, а директором ее в декабре месяце был избран Глазунов.

Об упоминаемом Стасовым эпизоде увольнения Русским музыкальным обществом Балакирева см. статью «По поводу статьи П. И. Чайковского» (т. 1), а о жизни и деятельности Римского-Корсакова — «Николай Андреевич Римский-Корсаков» (т. 3).